

Анна Гавальда

Anna Gavalda

Yann

Анна Гавальда

ЯН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Г12

Anna Gavalda

YANN

Перевод с французского *Татьяны Поздней*

Печатается с разрешения издательства Éditions Le Dilettante
и литературного агентства Anastasia Lester

Оформление обложки *Екатерины Фerez*

Гавальда, Анна.
Г12 Ян / Анна Гавальда ; [пер. с фр.
Т. Поздней]. — Москва : Издательство
АСТ, 2018. — 192 с. — (Лучше, чем жизнь).

ISBN 978-5-17-108631-2

Яну 26 лет. По образованию он дизайнер, но работы по специальности найти не смог. В ожидании лучших времен трудится менеджером в магазине бытовой техники, продает роботы-пылесосы и прочие гаджеты. Живет с подружкой, несчастным себя не считает, но отчего-то порой ему хочется утопиться в Сене.

Однажды вечером он помогает соседям дотащить до квартиры буфет. В благодарность его приглашают на ужин. На следующее утро Ян принимает решение послать все к чертям и начать новую жизнь.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Éditions Le Dilettante, Paris, 2014
© Т. Позднева, перевод, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ISBN 978-5-17-108631-2

Посвящается Марианне

Во-первых, яичко

На этой неделе моя очередь закрывать магазин. Я оформляю последние заказы, выключаю компьютеры и проверяю, все ли ящики и витрины заперты на ключ.

Честно говоря, именно это бесит меня больше всего — чувствую себя провинциальным торговцем дешевыми побрякушками, безропотно затаскивающим по вечерам в лавку свои штампованные браслетки и цепочки, но у Эрика, моего

коллеги из пятого округа, в прошлом месяце вытащили оборудования на три тыщи, и, насколько мне известно, ему еще долго придется разбираться с этой историей.

О нет, его не обвинили в воровстве напрямую, нет, просто дали понять.

— Знаешь, порой я думаю, что это лучшее, что могло бы со мной случиться. Быть вынужденным сдать им свой бейдж и разом успокоить подружку со всеми ее мечтами о кредите. Больше не ездить на скоростном метро... Не начинать свой день с этого унижения... Едва проснувшиеся и уже в загоне, собранные вместе, стиснутые со всех сторон... Рабочая сила пригородов, безработное и изможденное стадо таких же, как ты, одновременно с тобой читающее ту же чушь, что и ты, в одних и тех же бесплатных газетенках... Клянусь тебе, это угнетает меня больше всего... — вздохнув, доверительно сообщил он мне, когда мы с ним встретились на однодневном тренинге по новому программному обеспечению торговых сетей, — да уж... жаль, что я все еще люблю свою девушку...

Мы обменялись улыбками, а потом новая инструкторша начала свою речь, и больше мы не трындели.

(Если мы произведем плохое впечатление на эту даму, она доложит нашему шефу и нас лишат нашей премии за прилежание *Business, Care & Involvement**.)

(За подхалимаж.)

Так что вот. Я тщательно проверяю замки.

Затем выключаю свет в шоу-руме, спускаюсь на грузовом лифте и преодолеваю километры коридоров в тусклом мерцании аварийных лампочек.

Бегу вприпрыжку, чтобы успеть до включения сигнализации.

В раздевалке нахожу свой шкафчик, набираю код — еще один, наверное, уже десятый за день, — и меняю свой жилет «Ян, чем я могу вам помочь?» на свою старую замызганную куртку, которая всем своим видом говорит о том, что

* Бизнес, Усердие & Вовлеченность (англ.)

бедный маленький Ян уже никому и ничем помочь не может. Снова вприпрыжку — из-за следующей сигнализации — выскакиваю на улицу и оказываюсь в тупичке на задворках бульвара Осман, между двух рядов мусорных баков и охранником с собакой, который как раз заступает на дежурство.

Когда это смена толстяка с доберманом, мы с ним выкуриваем по сигаретке, болтаем о погоде, о тачках и футболе (ну, вернее, болтает он, а я только поддерживаю разговор), а когда дежурит другой, тот что с ротвейлером, я расслабляюсь, только когда выбираюсь из тупичка.

Меня пугает не его орудие труда, а его взгляд.

Всегда задаешься вопросом, *кто* же читает журнал «Детектив». Ну так вот, это, к примеру, он...

Этого парня заводят такие заголовки, как «Малышка Лили, трех лет от роду, забитая до смерти, изнасилованная, замученная и сожженная заживо», как он сам говорит. Его это крепко заводит.

Этим вечером дежурит добряк, и я первым достаю свою пачку сигарет. Сегодня его тревожит то, что у одного из щенков его суки, не этой, а другой, которая работает только на парковке (?), никак не опускается одно яичко.

Я чуть было не ляпнул, как это круто, но, к счастью, вовремя остановился.

Все это было вовсе не смешно. Напротив, настоящая драма. Если яичко не опустится, пес не получит родословной, а без родословной он ничего не стоит.

— Может, в конце концов оно все-таки опустится?

Охранник выглядел неуверенным:

— Ну... Все может быть... Может, опустится, а может, и нет. Inch'Allah... На все воля Всевышнего...

Бедный Аллах, думаю я, удаляясь, надеюсь, у Него есть кто-нибудь в отделе прошений, кто занимается первичной сортировкой, прежде чем все это Ему отправлять...

Во-вторых, мрак

На кадуцее американской аптеки я вижу, что уже 22:10, температура воздуха -5° .

Меня никто не ждет, Мелани снова смылась на какой-то свой семинар, и уже слишком поздно чтобы пойти в кино.

Я направляюсь к ближайшей станции метро, но потом передумываю. Я не могу сейчас снова залезть в очередную коробку, я сдохну.

Я должен пройтись. Должен протопать пешком через весь Париж, похлопывая в ладоши и

время от времени снимая шапку, чтобы разогнать мрак в своей голове.

Да, я должен настрадаться, промерзнуть, проголодаться и, воспользовавшись тем, что наконец остался один, рухнуть спать замертво.

Вот уже несколько месяцев я плохо сплю. Мне не нравится моя контора, не нравится мое расписание, не нравятся препода, запах в раздевалке, столовка и идиоты, которые меня окружают. В свои двадцать шесть лет я все так же мучаюсь бессонницей, как и в двенадцать, вот только в двадцать шесть это в тысячу раз хуже, потому что я сам влез во все это дерьмо. *Самостоятельно*. Я не могу винить в этом своих родителей, к тому же теперь у меня не бывает ка-никул...

И что я такого сделал?

А?

Что ты сделал?

Нет, правда! Что же ты опять натворил, идиот?!

Я клянусь сам себя вдоль и поперек, в полный голос, потому что мой гнев, теплым дыха-

нием вырываясь наружу, согревает мне кончик носа.

Бомжи попрятались кто куда, те из них, кто сейчас выпивает, чтобы согреться, до завтра не доживут, а Сена черна, нетороплива, коварна. Скользя между опор Нового моста, она безмолвно манит к себе. Она охотится. Подстерегает уставших, сломленных клерков, бесталанных людишек со всеми их думами и ночными вопросами. Она выявляет сомнения и скользкие парапеты. «Идите ко мне, — урчит она, — идите... Это всего лишь я... Ну давайте же... Мы ведь уже так давно знакомы...»

Я представляю себе холод ее объятий, то, как одежда сначала надувается пузырем, а потом тянет тебя ко дну, шок, рвущийся наружу крик, оцепенение... Ведь все это себе представляют, разве нет?

Да. Конечно же, все. У всех, кто живет рядом с рекой, случаются такого рода помутнения.

Это утешает.

Отступление:

Сообщение от Мелани: «Мертвая ложусь спать погода дерьмо целую». С маленьким знач-